

Нр. 15.

Унгварь, 1. (13.) августа 1886.

Годъ II.

Выходитъ

1-го и 15-го числа
каждаго мѣсяца
въ объемѣ
одного печатнаго
листа.

ЛИСТОКЪ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписная цѣна:
На годъ 4 гульд.
На $\frac{1}{2}$ года 2 "
На $\frac{1}{4}$ " 1 "
Заграницею 5 гульд.
Подписку и разныя
статьи адрессовати
следуетъ редактору
въ Порошково.
(Rogoskó Ungmegye).

Отвѣтственный Редакторъ: Евгений Феницкъ.

Церковное проповѣдничество въ древнихъ вѣкахъ Христіан- ства.

Въ древней церкви III. и IV. вв., на основаніи подлинныхъ источниковъ — произведеній христіанскихъ ораторовъ и проповѣдниковъ этого времени, вотъ какъ было поставлено тогда это священное дѣло.

Первыми и главными учителями въ Церкви Христовой были епископы. — Между ихъ обязанностями обязанность учительская стала самою первою обязанностью, и каѳедра епископская называлась каѳедрою учительскою, такъ, что нельзя было носить званіе епископа и непроповѣдывать слова Божія, или здраваго учения вѣры.

Вмѣстѣ съ епископами раздѣляли долгъ учительства церковнаго и пресвитеры, какъ помощники епископа. Другие же члены церкви не включались въ число лицъ „учащихъ“, и

учительская каѳедра въ церкви небыла имъ предоставляема. Бывали впрочемъ и исключенія, когда діаконы выступали самостоятельными учителями со своими собственными проповѣдями.

Обычнымъ временемъ произнесенія проповѣдей, въ древней церкви, было время совершенія литургіи. На литургіи проповѣдь назначена была къ той части ея, ~~которая~~ извѣстна подъ именемъ литургіи оглашеныхъ, когда діаконъ кончилъ чтеніе назначенаго отдѣла евангелія.

Затѣмъ говорились проповѣди и въ другіе часы дня, при другихъ богослужебныхъ собраніяхъ, на которыхъ небыло возношенія евхаристіи; говорились не только утромъ, но и вечеромъ.

Въ установленные церковію праздники совершалось торжественное богослуженіе, и проповѣдь считалась необходимою его принадлежностію. Основаніемъ и предметомъ проповѣдей были

тѣ событий новозавѣтной исторіи, которые были воспоминаемы въ тотъ или другій день, находились проповѣдники, которые недовольствовались одними воскресными и праздничными днями, а готовы были и въ будни (*hét-köznapokon*) почти каждодневно, являясь въ церкви со словомъ назиданія. Тѣ обширныя изъясненія книгъ св. писанія, какія дошли до насъ отъ древнихъ отцовъ, они дѣлали въ церкви не въ одни праздничные дни, какихъ недоставало бы для подробнаго толкованія библейскаго текста книгъ, нами читаемаго въ отеческихъ бесѣдахъ.

Храмъ при этомъ становился настоящимъ училищемъ благочестія, и взрослые изъ христіанъ ходили въ него слушати преподаваемые въ немъ уроки, какъ дѣти и юноши ходятъ въ школу, въ которой они получаютъ образованіе. Говорились проповѣди кромѣ означеныхъ случаевъ: при посвященіи въ епископы, при освященіи церквей, а съ IV-го вѣка вошло въ обычай говорить рѣчи и при гробахъ умершихъ.

Мѣсто проповѣди съ начала было въ алтарѣ, находившемся въ задней части храма, огражденной рѣшеткой (пока нѣбыло еще иконостаса). Тутъ предназначалось мѣсто для проповѣдника, въ соотвѣтствіе признаваемому проповѣди священному характеру и достоинству. Въ алтарѣ совершались всѣ важнѣйшія богослужебныя дѣйствія; къ числу которыхъ относили и проповѣдь. Представляло нѣкоторыя практическія неудобства такое мѣсто

для проповѣдей, такъ какъ изъ алтаря голосъ проповѣдника могъ недоноситься до слуха народа. Но эти неудобства, въ древнее время, нѣбыли такъ велики, какъ это можетъ представляться въ наше время и въ нынѣшнихъ храмахъ. — Церкви были не такія по пространству, какъ нынѣ и голосъ проповѣдника безъ затрудненія могли слышати всѣ присутствовавшіе въ церкви. Мѣсто было возвыщено надъ другими частями храма, съ котораго голосъ проповѣдника раздавался силенѣ, чѣмъ какъ онъ раздавался бы, еслибы проповѣдникъ стоялъ на ровномъ съ народомъ мѣстѣ, а не на возвышенномъ.

Проповѣдь произносилась и выслушивалась сидя, по обычаю перешедшему изъ судебной синагоги.

Каѳедра епископа и находящіяся по обѣимъ сторонамъ ея сѣдалицы пресвитеровъ были преимущественнымъ мѣстомъ, съ котораго говорились проповѣди, но не единственнымъ. Для большаго удобства, чтобы быти болѣе слышимыми, проповѣдники выходили иногда къ рѣшеткѣ, отдѣляющей алтарь отъ средины церкви, или становились на ступени, по которымъ восходили въ святилище и оттуда говорили свои бесѣды.

Обычай древней церкви допускалъ, чтобы и проповѣдникъ и слушатели сидѣли во время проповѣди; но во всѣхъ странахъ соблюдались, въ этомъ отношеніи, одинаковые обычаи.

А. К.

Іоаннъ Мондокъ.

Одно несчастіе за другимъ постигаєтъ насъ: не минулъ єще годъ, какъ погребли мы Іоанна Раковскаго, и вотъ опять одна жертва, Іоанна Мондока не стало, а когда эти строки пишемъ, получаемъ извѣстіе, что и много заслужившійся около просвѣщенія угрорусскаго народа каноникъ пряшевской епархіи: Александръ Ройковичъ переселился въ вѣчность. Смерть, это очень естественное явленіе, и нѣть чemu чудоватися, если она одного или другаго уносить съ между насъ; но у угрорусскаго народа очень не много дѣлателей, что будеть ізъ насъ, если и тѣ такъ неожиданно будутъ сходити въ могилу? Вѣро, мы чѣмъ то прогнѣвали своего Отца, всемилостиваго Бога, что лучшія наши силы отзываєтъ отъ насъ.

12 (24) іюля упокоившійся О. Іоаннъ Мондокъ родился 1824. года 18. Января въ Унгварѣ, отъ родителей Иліи Мондока и Анны Ратько. Здѣсь въ Унгварѣ получилъ онъ и первое образованіе.

Послѣ окончанія 6-го гімназическаго класса 1838. года въ мѣсяцѣ Августѣ былъ воспринятъ въ число причетниковъ епархіи Мукачевской и окончивъ VIII-ый классъ, или філософію, былъ отправленъ для изученія богословскихъ наукъ въ тирнавскую семинарію. 1846. года 3-го Декабря былъ онъ произведенъ епископомъ Василіемъ Поповичемъ во чтецы, — а послѣ женитбы, 1848. года 6-го Апрѣля во поддіаконы, — тогоже года 9-го Апрѣля въ діаконы, — а 15-го Ап-

рѣлья во пресвитеры. — Какъ новоосвященный пресвитеръ, былъ онъ опредѣленъ въ мѣсяцѣ Іюньѣ 1848. года доч. Администраторомъ прихода Вышне-Веречанскаго, а 1849. года былъ онъ вмѣсто-парохомъ во Скотарскомъ. Здѣсь постигло его великое несчастіе, ибо молденькая супруга его съ младенцемъ оставила его одного бѣдствовать на этой злосчастной землѣ, а сама переселилась въ вѣчность. Какимъ горемъ наполнилось въ ту пору его сердце, явствуетъ изъ епитафіи (*sirfelirat*) его супруги, которую онъ самъ написалъ и смыслъ которой слѣдующій: „Меня ужасала смерть пока мы жили, а днесъ со спокойствіемъ ожидаю, пока насъ рука судьбы когда-то вновь соединить“.

Въ пятидесятихъ годахъ былъ онъ назначенъ епископомъ Василіемъ Поповичемъ въ конциписты епископской канцеляріи, въ которомъ чиновствѣ пробылъ до мѣсяца Сентября 1855. года. Въ этомъ году былъ онъ именованъ профессоромъ богословія къ Унгварскому лицею, въ которой должности пробылъ до 1. Октября 1861. года. — Въ этомъ времени былъ онъ и управителемъ конвикта священническихъ сиротъ мальчиковъ. — Какъ совѣтно исполнялъ онъ въ ту пору должностъ свою, явствуетъ изъ того, что Онъ былъ нетокмо управителемъ этого заведенія; но вмѣстѣ и истиннымъ наставникомъ. — Помню, что когда и я былъ въ томъ заведеніи, управитель ежедневно призывалъ насъ къ себѣ, объяснялъ намъ уроки, переводилъ вмѣстѣ съ нами ла-

тинскіе и нѣмецкіе авторы, — и поря-
дочно выслушивалъ насъ: знаемъ-ли
хорошо свои уроки (lecke). Сверхъ своей
обязательной должности, онъ всегда
бралъ на себя труды, если замѣтилъ,
что того требуютъ обстоятельства.

1-го Октября 1861. года былъ онъ
именованъ профессоромъ философіи и
исторіи, а позже профессоромъ русскаго
языка при Унгварской гимназіи. Эту
должность исполнялъ онъ до 1877. года
26-го Августа, — когда и былъ име-
нованъ актуальнымъ каноникомъ ка-
ѳедральной церкви мукачевской. Въ
часъ своего профессорскаго поприща
дѣятельно занимался онъ нашими рус-
ско-народными дѣлами. Не было ни
комитетоваго, ни общаго собранія об-
щества св. Василія Великаго, въ ко-
торомъ онъ не участвовалъ бы. Много
писалъ въ наши русскія газеты, и от-
личался своимъ хорошимъ стиломъ и
строгою логическою консеквенціей во
своихъ литературныхъ произведеніяхъ.
Особенно былъ онъ хороший витія, —
жалъ только, что не имѣлъ къ тому
хорошаго органа слова.

О его неутомимой дѣятельности
свидѣтельствуетъ то, что если при-
ключился при нашей консисторіи ка-
кой-то особенный трудъ, то онъ всегда
былъ повѣренъ Іоанну Мондоку, такъ
въ новѣйшее время повѣренъ ему над-
зоръ надъ строенiemъ новаго велико-
лѣпнаго зданія препарандіи.

Особенно горячо былъ онъ привя-
занъ къ нашему восточному обряду.
— Однажды, когда семинаристы упраж-

няясь въ гармоническомъ пѣніи, пѣли:
„Агіосъ о Ѹеосъ“, Мондокъ просле-
зился и сказалъ: „Кромѣ этой пѣсни
ужь ничего не оставили намъ!“

Хотя онъ никогда не искалъ от-
личій, однако его нужно причисляти
къ тѣмъ немногимъ, которые удостои-
лись за труды свои нѣкой призна-
тельности. Такъ еще въ часъ своей гим-
назическо - профессорской дѣятельности
1871. г. былъ онъ именованъ въ титу-
лярные каноники; а 1876-го года въ зам-
скіе титулярные архимандриты.

У насъ мало публичныхъ дѣлата-
лей, Іоанна Мондока однако нужно
причисляти къ нашимъ неутомимымъ
дѣлателямъ.

Никогда не будемъ забывать о томъ,
что тамъ, гдѣ онъ погребенъ, могила
покрываетъ чистое, благородное, и ко
всему высокому когда-то со рвениемъ
относящееся сердце. — Блаженный
покой и вѣчная ему память!

Е. Ф.

Богъ Творецъ Вселенной, — и Дарвинизмъ.

(Продолженіе.)

Такъ говоритъ наука. Но и Мой-
сей видѣлъ что-то подобное: Съ на-
чала видѣлъ онъ небесную исполин-
скую газовою массу; теперь созерца-
етъ ту частицу ея, которая отдѣли-
лась отъ ней, и хочетъ образовать
землю. Это еще только газовой шаръ,
съ центральнымъ зародышемъ и кру-
гообразнымъ движеніемъ. Мойсей ви-
дитъ это; но какъ описать? Для пред-

ставленія газової маси какъ найти выраженіе? То, что мы называемъ **газомъ**, было неизвѣстно еврейской наукѣ, и такъ еврейскій языкъ не имѣлъ для него слова. Какъ описать это состояніе? „Земля же бѣ, говоритъ Мойсей, — невидима, и неустроена“ — *inanis et vacua*. Замѣчайте: *Inanis!* пуста, нѣвѣщественна, не тверда, не сплошна (*tömör*). Но не только *inanis*, но и *vacua*. Изъ виѣ пуста, внутрь нѣтъ ничего. Пуста, газообразна, неосызаема; вотъ какою видитъ землю Мойсей. Въ перевѣдѣ семидесяти двухъ переводителей стоитъ: „а о рато съ“ невидима, „акатаскевасто съ“ неустроена, несплошна; составныя частицы ея еще не съединились, чтобы быти видимыми. А въ самарійскомъ текстѣ стоитъ: „Земля же бѣ неосызаема“.

Пуста, праздна, невидима, неустроена, неосызаема. Возможно-ли выразити удачнѣе газовидное состояніе земли на такомъ языкѣ, которому было не знакомо слово: **газъ?**

И когда Мойсей созерцаеть эту паровую массу, видить, что все это темно и мглисто „и тма верху бездны“; видить и кругообразное движеніе, представляеть и причину движенія, которая кромѣ Бога не могла быти ина: „Духъ Божій ношаєця верху воды“.

„Верху воды“. Земли не было еще; какъ могла быти вода? замѣ-

чаетъ бл. Августинъ. Этотъ остроумный, проницательный умъ о томъ умствуетъ, для чего называетъ Мойсей водою эту невидимую, неосызаемую, паровую массу, которая тогда одна и существовала, вѣдь тогда воды особо еще не существовали, ибо были неустроены, какъ и земля. И такъ отвѣчаетъ, что Мойсей для того употребляетъ это слово, ибо для выраженія видѣнныхъ имъ лучшаго найти не могъ, — ибо что видѣлъ въ рукахъ Творца, то это было гибко (*ingadzó*) какъ вода, подавалось строению, — для чего и названо водою.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Демонъ.*)

— Восточная повѣсть. —

Часть первая.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землѣй;
И лучшихъ дней воспоминанья (*emlék*)
Предъ нимъ тѣснилися толпой (*tömegesei*), —
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой (*mosoly*) ласковой (*kegyes*) привѣта
[*(üdvözlés)*]

Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы (*köd*)
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе (*boonyongó*) караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ (*eldob*) свѣтилъ,
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья, —

* Желаемъ познакомити читателей съ этой отличною психологическою поэмой Лермонтова, заслужившею на признательность всего образованнаго міра.

Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый (bûs)...
И много, много . . . и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II.

Давно отверженный, блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта (menedék)
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой (egyhangu sorban.)
Ничтожной властвуя землѣй,
Онъ зѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству (mesterség) своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья —
И зло наскучило ему (megunta a rosszat).

III.

И надъ вершинами кавказа
Изгнаникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ казбекъ, какъ грань алмаза
[(guémánt)]
Сиѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина (hasadék), жилище змѣя,
Вился излучистый (kanyargó) Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая (ugrál) какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣль, и горный звѣрь и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака (felhő)
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сїверъ провожали;
И скалы тѣсною толпою,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія (tovat n ) волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы: —
У вратъ кавказа на часахъ ( rheley)
Сторожевые ( rt ll ) великаны ( ri s)!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ, но гордый духъ

Презрительнымъ окинуль окомъ
Творенье Бога своего,
И на чѣлѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Бѣда, нѣть жида.

— Повѣсть Уріла Метеора. —

VII. Черные дни.

(Продолженіе.)

Одни сидѣли вокругъ стола и напивались, иные будучи уже подъ хмѣлькомъ плясали съ женщинами. Гаврило вошелъ угрюмо, и угрюмо садился на лавку передъ печью.

Чѣмъ замѣтилъ его Мендель, будто бы его вымѣнили, съ ласкателымъ голосомъ произнесъ имя Гаврила.

— Ужъ не перейдете-ли ко мнѣ въ переднюю на часокъ?

— Для чего? — отвѣчалъ Гаврило нерасположенно.

— Вѣдь тамъ и ваша супруга. Да не жить же намъ вѣчными непріятелями! Помиримся . . .

Гаврило еще невидалъ лицо Менданя такимъ искреннимъ, такимъ раскаявшимся, благожелательнымъ. Предчувствіе шептало: „Берегись!“ Но Мендель настаивалъ: помиримся, да помиримся. Наконецъ поднялся, и перешелъ въ переднюю.

— Мнѣ очень жаль, — сказалъ Мендель сопровождая Гаврила въ переднюю тѣмъ же искреннимъ закрадчивымъ голосомъ, — что межъ нами

случилось такое непріятное дѣло. Но Богъ видитъ, я не былъ причиною.

Въ передней на столѣ стояла большая стклянка, наполненная приправленною медомъ, и кто знаетъ какими снадобьями водкой. Возлѣ ней разныя изысканныя закуски. Видимо все было на этотъ случай заблаговременно приготовлено. Малка понуждала Анну къ закускамъ, которая уже и держала въ руکѣ блинокъ, откусывая помалу изъ него.

На веселое отъ природы лице Анны, отъ перваго дня поселенія у нихъ жидовскаго семейства, зачепатлѣлось выраженіе грусти, отражавшее внутрення страданія, и недовольность. Теперь казалось было немножко свѣтлѣе. Должно предполагать, она примирилася съ своимъ положеніемъ, и покорилася неукротимой своей судьбѣ, или обврожена прельстительною ласкою ловкой жидовки.

Ей! лучше бы тебѣ Гаврило, вѣчно стоять на враждебной ногѣ съ Менделемъ, его ласка пуще самаго худаго непріятельства. Предусмотрительный жидъ принялъ за самое опаснѣйшее средство, чтобы неуронить тебя изъ своихъ когтей. Берегись, иначе падешь жертвою!

Мендель налилъ изъ стклянки два стаканчики, одинъ поднялъ, и держа высоко сказалъ:

— Ну Гаврило, позабудемъ все противное, выпьемъ за ваше здоровье, и здоровье вашего семейства.

— Нѣтъ Мендель, — отвѣчалъ Гаврило не двигаясь съ мѣста, — я ворочаясь изъ города сдѣлалъ обѣтъ, никогда не пить водки.

Мендель сдѣлалъ кислую ужимку, перешедшую въ смѣхъ, и кончившуюся громкимъ хохотомъ, межъ тѣмъ разомъ и выпивалъ налитый для себя стаканчикъ, и заливаясь смѣхомъ облизывалъ себѣ языккомъ губы.

— Ужъ конечно не желаете поселиться въ вашей церкви, на мѣсто образа нѣкотораго святого? а? . . га? . . ге? . . гы? . .

Гаврило думалъ: Неведи насъ во искушеніе. А бѣсъ манитъ, да манитъ, толкаетъ ко стакану.

— Нѣтъ! — сказалъ рѣшительно борясь съ собою.

— Ну — подхватилъ Мендель относя отрицаніе къ образамъ святыхъ, — такъ ужъ выпьемъ! . . .

Малка обратилась къ Аннѣ:

— Какій это мужъ, что нехочеть выпить за здоровье своей жены, и своего семейства?

— Не пей, . . не ней! . . отклонялъ его внутренній голосъ. Разомъ почудилось ему, что лѣсникъ закричалъ слова: „Волшебное кольце“. Всльдѣ мелкнулъ предъ нимъ и образъ Отца Исидора, уста котораго будто бы шептали: „Водоворотъ, водоворотъ!“ . .

— Вышей Гаврило! — сорвалось съ усть Анны.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Церковныя проповѣди.

Слово въ день Преображенія Господня.

(Конецъ.)

Могутъ уже теперь соблазнити ихъ книжники и фарисеи, можетъ наступити часъ страданій, — могутъ пригвоздити Іисуса Христа ко Кресту, уже ничто не поколеблетъ вѣру Учениковъ, ничто не разлучить ихъ съ Учителемъ ихъ Господомъ; вѣдь самовидцы были славы Его на горѣ святѣй, въ всѣхъ потупленіяхъ, поруганіяхъ, біеніяхъ, и пригвожденіи Его къ Кресту, страданіе уразумѣютъ вольное. — Узнаютъ, что Учитель ихъ Сынъ Божій, истинный Богъ, что Онъ изъ любви къ роду человѣческому пришелъ на землю, что пострадалъ, ибо самъ такъ хотѣлъ, — и вѣрны останутъ Ему на вѣки.

Но то, что видѣли на горѣ, не токмо укрѣпило вѣру ихъ; но и побудило ихъ, чтобы всю жизнь свою посвятили Господу, чтобы всю жизнь трудились, работали, терпѣли, даже умерети были готовы, чтобы пріобрѣсти для себя ту радость, которую почувствовали на горѣ, видя Преобразившагося Господа.

Взойдемъ и мы возлюбленные на Єаворъ! и узимъ славу Господа, узимъ то, что Господь уготовалъ любящимъ Его. Но прежде очистимъ чувствія, оторвемся отъ

всего земнаго и вещественнаго, забудемъ землю, какъ забылъ Ап. Петръ, когда сказалъ „добро есть намъ здѣ быти“ — и возведемъ духъ нашъ на небо, на высоту, и углубимся мыслю въ дѣла Божія, чтобъ хоть что-то увидѣти съ той неописанной славы и радости, которую Господь уготовалъ намъ. — Вѣдь и Апостолы узрѣли не всю славу Господа, но „славу яко же можаху“ — т. е. такую славу, какую еще и въ тѣлѣ сущи, и прикованны къ землѣ, поразумѣша, вмѣстити могли. — И вы возлюбленные, лишь на только поразумѣете слова мои, и лишь на только почувствуете радость въ сердцахъ вашихъ изъ словъ моихъ, на сколько очистите сердца свои отъ всего суетнаго, отъ всего земнаго, на сколько будете слушати ихъ душевными ухами, и принимати ихъ чистымъ сердцемъ, ибо токмо чистіи сердцемъ Бога узрять.

За вѣру, за благочестивую жизнь, Господи! Ты обѣщаешь намъ радость неизглаголимую въ Царствіи Твоемъ. — Какая это радость? Какое царство твое?! Покажи намъ Господи хотя одну каплю той радости, покажи намъ хоть одну черту неописанного Царства Твоего! Чей если увидимъ красоту Его, если узнаемъ, какъ живется во Царствіи Твоемъ, — и вѣра наша укрѣпнеть и любовь наша къ Тебѣ воспламенѣеть, и съ большою охотою и съ теплѣшимъ усердіемъ будемъ творити благо, и хранитися зла, чтобы не лиши-

тися сей радости въ Царствіи Твоемъ; будемъ усиловатися, сдѣлatisя достойными внійти и занести мѣсто со всѣми святыми, со всѣми угодившими тебѣ — во Царствіи Твоемъ.

Странно, возлюбленные — вѣрующимъ обѣщаетъ Господь Царство небесное, — но сіе царство неописується нигдѣ, — токмо Ап. Павелъ во посланіи своемъ къ Коринеянамъ (1. Кор. 2, 9.) говоритъ: „и х же око не видѣ, и ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, я же уготова Богъ любящимъ его“. Какъ же искати намъ сего царства? Что можетъ поощрять насъ, чтобы вѣровати, терпѣти, добро-дѣлать, — хранитися грѣха, — оставити міръ и всѣ солодости его, — даже умерети сего царства ради, — когда мы и того не знаемъ: какое это Царство? когда и вообразити не можемъ ту радость, которая ожидаетъ насъ въ немъ?!

Слово Божіє неописуєть намъ подробно радости вѣчного блаженства. Для чего? вѣдь слѣпому тщетно будешь говорить, — что это бѣлое, зеленое, синее, червоное, черное, — онъ того не поразумѣеть, и вообразити не можетъ, — для чего и намъ представляти радости небесныя, радости чистыя, духовныя, Божественныя, — когда мы не-чисты, тѣлесны, плотяны, бренные, — радостей сихъ мы вообразити не можемъ; но если скинемъ все яечистое, тѣлесное, земное, и облечемся во броня правды, возведемъ

духъ нашъ на Фаворъ на высоту, тогда чей по благодати Божіей и мы земнородные увидимъ и поразумѣемъ хоть одну каплю божественной Славы и той радости, которая ожидаетъ насъ въ Царствіи небесномъ.

Слушайте возлюбленные и не забывайте!

Что Царство есть, того не буду доказывать; для чего? вы всѣ вѣруете, что Царство есть; вѣдь всѣ хотите внійти въ него; найчистѣйшія желанія наши туда стремятся, человѣкъ лишь для того и живеть, терпитъ, бѣствуетъ, чтобы когда-то въ царствіи небесномъ радовался. Еслибы не было Царства небеснаго, скажите, о скажите, для чего сотворилъ насъ Богъ? для того только, чтобы мы на минуту жили, терпѣли, мучилися, и умерли! и потомъ на вѣки уничтожились, сталися ничѣмъ!? Сотворити кого-то для мукъ и для смерти, разумно-ли это? Могъ-ли преблагай, премудрѣйшій, всемогущій Богъ дѣлать такъ? О безъ Царства небеснаго ничего не стояли бы всѣ дѣла Божія, это быль бы огромный, пустый трудъ, безъ конца, безъ всякой цѣли.

И такъ Богъ сотворилъ Царство. Сотворилъ прежде земли. — Но гдѣ помѣстилъ оно? Можемъ ли знати, гдѣ рай? Это безъ сомнѣнія особенное, вещественное, великое, прекрасное мѣсто. Вещественное, ибо въ немъ будутъ жити не токмо души; но души со своими тѣлами; величое, сторазъ, тысяча разъ большее

отъ земли, ибо въ немъ помѣстятся всѣ праведные, которые жили и будутъ жити на землѣ до скончанія ея; прекрасное мѣсто, въ сравненіи съ которыемъ земля токмо долина плача и риданія и держава тьмы.

Давно думали, и быти можетъ, что еще и теперь нѣкоторые думаютъ, что царство небесное находится тамъ высоко надъ тѣмъ сине-голубымъ сводомъ (склепъ) небеснымъ. — Дѣтское воображеніе. Свода небеснаго нѣть; но нѣть и сине-голубаго цвѣта: это тамъ, высоко надъ нами, не сводъ небесный, это безконечное, неизмѣримое пространство, въ которомъ обращаются неизчислимыя тѣла небесныя. Выйдите вонъ въ одну ясную безоблачную ночь, — сколько звѣздъ можете счислiti токмо надъ головою вашею? Есть ихъ около сто миллиновъ, — а тамъ далѣе есть миллионы миллионовъ, а еще дальше еще больше. А эти ясныя звѣзды тысячию и тысячию разъ больши отъ нашей земли. Подумайте еще, что у небеснаго пространства нѣть границъ, — оно неизмѣримо, — какъ безконеченъ Самъ создатель его, а все это пространство переполнено такими же ясными звѣздами. О, возлюбленные, для чего бы не могъ быти рай въ сихъ звѣздахъ? вѣдь множество, и величие ихъ такъ соответствуетъ безчисленному числу праведниковъ, которыхъ толпы, по словамъ Апостола, человѣческое око исчислiti не можетъ? Красота, лучезарная ясность и блескъ

ихъ такъ и представляетъ мѣсто незаходимаго, невечерняго свѣта, гдѣ праведные во Славѣ и блескѣ живуть не приступномъ.

Правда, эти звѣзды не всѣ одинаково ясны и красивы; но Господь сказалъ: „Въ дому Отца моего обители многи суть“ (Іоаннъ 14, 2.) Не для того-ли распределены и украшены звѣзды не равнымъ образомъ, чтобы опредѣлiti въ нихъ мѣсто каждому по заслугамъ его?

Всѣ эти небесныя тѣла обращаются около средоточія своего, а съ этимъ средоточiemъ опять около другаго средоточія, и всѣ тѣла со всѣми средоточіями около одного недвижимаго средоточія. Для чего бы не былъ въ сѣмъ то средоточіи средоточій престолъ самаго Бога, святая святыхъ, гдѣ Богъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ неприступномъ свѣтѣ и тѣлесно пребываетъ; ибо, какъ человѣкъ, безсомнѣнія имѣетъ и Онъ свое опредѣленное мѣсто. — Но какъ можетъ быти Іисусъ Христосъ и тутъ, и въ каждой праведной душѣ, что собственно и составляетъ блаженство наше въ царствѣ небесномъ? Это тайна Божія, — но присутствіе Господа на каждомъ престолѣ, въ каждой причащающейся Христіанской душѣ, не есть-ли образъ и этого еще большаго таинства?

Представьте себѣ, что красота земли, солнца, блескъ звѣздъ это только слабая тѣнь того, какія будутъ жилища праведниковъ. Господь скучо украсилъ землю, чтобы человѣкъ не

прилѣплялся къ ней; но если уже и на земли такъ разбросана красота и великолѣпіе: лучезарный свѣтъ, тихій воздухъ, утра и вечера румяный свѣтъ, тишина лѣсовъ, неизмѣримость морей, журчаніе поточковъ, вѣнецъ лѣсами устланныхъ горъ и проч.; о скажите, чего не сдѣлаетъ Господь, этотъ невообразимый художникъ, (művész), чтобы преукрасити не дочасныя, но вѣчныя жилища праведниковъ? Св. Іоаннъ возлюбленный ученикъ Христовъ, чтобы представити намъ пышность чертоговъ небесныхъ въ Апокалипсисѣ тамъ указуетъ алмазы, сафиры, топазы и изумруды. А св. Ап. Павелъ и не берется описати красоту Царства небеснаго, только говоритъ: „Око не видѣ, ухо не слыша и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ его“.

Но хотя-бы гдѣ было, хотя-бы какъ свѣтло было място вѣчнаго жилища праведниковъ, — это не составляетъ еще сущность радости ихъ.

Сущность радости и счастія праведниковъ будеть состояти въ томъ, что они будутъ видѣти, будутъ имѣти Бога; что они будутъ принадлежати Богу, а Богъ будетъ принадлежати имъ, они будутъ въ Бозѣ, а Богъ будетъ въ нихъ. Ты во мнѣ, я въ тебѣ — преграды, предѣла нѣть!

Поговоримъ прежде о видѣніи или о зрењіи Бога лицомъ ко лицу.

Св. мати церковь счастіе праведниковъ называетъ блаженнымъ лице-

зрењіемъ Бога. — Это въ самомъ дѣлѣ есть зрењie; и то такое, которое ублажаетъ, которое наполняетъ сердце невыразимымъ веселіемъ. — О возлюбленные, уже и тутъ на земли есть зрењia, которыя ублажаютъ, которыя упаиваютъ душу какимъ-то не выражимымъ солодкимъ чувствомъ. На прим. Мати любовно посмотритъ на свое дитя, дитя на свою матерь, очи ихъ встрѣтятся, дитя усмѣхнется, — о скажите, что чувствуетъ въ такой чась мати и дитя? никто не скажеть; Это сказать и описать невозможно. Довольно того, что въ ту минуту и мати и дитя забываютъ за нужды, за страданія свои; забываютъ за весь міръ, за все — и чувствуются счастливыми.

Хочете другій примѣръ? Скажу и другой, — по прежде прошу Вась, очистите чувства свои отъ всего земнаго, отъ всего тѣлеснаго:

Одно богоубойное красивое дитя выросло во благочестіи, во страхѣ Божіемъ. Пришель чась, что съ дитятіюноша стала; хочетъ пуститися на свои крылья, — и для того искаеть себѣ помощницы, — Богъ сведетъ его съ другимъ также невиннымъ, во любви Божій воспитаннымъ дитятемъ: съ одною скромною, благочестивою, прекрасно развившеюся девицею. Богъ для другъ друга сотворилъ ихъ. Очи ихъ неожиданно встрѣтятся, по устамъ пробѣгнетъ милая улыбка, а по лицамъ стыдливый румянецъ, этотъ знакъ невинности. О скажите, что чувствуютъ они въ ту минуту въ сердцѣ

своемъ? опять не скажете, этого языкъ выразити не можтъ; одно знаете, что они забыли за все, что ничего не видятъ, токмо другъ друга, — да имъ ничего и не нужно, — они только то знаютъ, — что они счастливы.

А одинъ писатель что чувствуетъ, когда ему явится какая-то новая воодушевляющая мысль?

Что чувствуетъ живописецъ, когда видить предъ собою непостижимый идеалъ? Что искатель истины и правды, когда наконецъ истина явится ему? О возлюбленные, это все такія видѣнія, которыя ублажаютъ, счастливыми дѣлаютъ, которыя наполняютъ сердце восторгомъ и радостію.

И такъ видите, что уже и на землѣ есть видѣнія, которыя ублажаютъ, осчастливаютъ сердце человека. Но эти видѣнія на земли держатъ токмо одну минуту, да и не даны всѣмъ; токмо людямъ возвышенаго ума и сердца.

Но прообразы ли эти земныя видѣнія, того неописуемаго и невыразимаго видѣнія, которое ожидаетъ праведниковъ на небеси? и не для-того-ли даны онъ намъ, чтобы заключати на вѣчное и ублажающее зрење Бога лицемъ къ лицу?

Представьте себѣ возлюбленные, что вся правда и истина, что вся красота, что вся благость и доброта, соединены въ одномъ существѣ и то въ безконечной степени; представьте себѣ, что это безконечно справедливое, добroe, прекрасное существо безконечно любить васть; что любовью пол-

ными очами смотритъ на васть, и вы смотрите на Него, что очи ваши встречаются и то не на минуту, но черезъ всю вѣчность. Это такое будетъ видѣніе, отъ которого сердце наше будетъ таяти въ любви; будетъ непрерываемый восторгъ, такое упоеніе счастіемъ и блаженствомъ, что, хотя Богъ благодатію своею всѣ чувства и способности наши возведетъ на вышесущественную высоту, однако все сіе счастіе не будутъ въ состояніи перенести и вмѣстити.

Обратите очи свои Христіане, на Гаворъ, Спаситель преображается, Человѣчество Его беретъ на себя подобающую Ему Божественную красоту: на Божественномъ лицѣ Иисусъ Христовомъ, — тамъ сіяеть и истина, и благость и красота, Очи его любовью и милостію смотрятъ на учениковъ, Петръ видить и говоритъ: „добро есть намъ здѣ быти“. Іоаннъ и Яковъ и не говорятъ ничего; когда видятъ красоту, славу и любящій взоръ учителя, и говорити не могутъ, токмо передаются чувствамъ своимъ: невыразимому счастію и блаженству.

Но вѣчность бесконечно долга, — всегда смотрѣти и смотрѣти Бога не будетъ-ли это скучно (нудно)?

Если думаете, что человѣкъ однімъ взоромъ увидить въ Бозѣ все, а черезъ всю вѣчность будетъ видѣти одно и тоже, — тогда, разумѣется такое смотрѣніе было бы скучно (нудно); — но если такъ думаете, тогда о Бозѣ и понятія не имѣете;

вѣдь Богъ безконеченъ, — Богъ неизмѣримая глубина, вѣчная новость! Одна человѣческая душа Бога никогда обойти не можетъ, и глубины Его никогда не исчерпаетъ. — Чѣмъ больша, возвышеннѣйша, благороднѣйша, тѣмъ больше видить; а чѣмъ больше видеть, тѣмъ больше хочетъ видѣти. Духъ человѣческій, это не горшокъ, который, если его наполните, больше уже ничего не принимаетъ; духъ нашъ не наполнимый.

Представляю себѣ святыхъ въ небѣ; но они не неподвижны. — Они ходятъ съ свѣтлости въ слѣтлость, съ блаженства въ блаженство. Безконечность отворена предъ очами ихъ, — но обозрѣніемъ ея никогда не наполняются. Всегда новые и новые желанія являются въ нихъ, которые вдругъ исполняются. — Уже и это великое счастіе!

Возможно-ли, чтобы въ царствіи небесномъ было скучно (нудно)? вѣдь тамъ являются намъ вполнѣ новые незнакомые міры! Смотрите, мы уже около шесть тысяча лѣтъ изъучаемъ одну землю, и она еще и теперь не совсѣмъ знакома намъ. — Сколько времени нужно, чтобы изъучити всѣ дѣла Божія, чтобы познакомитися съ природою миллионовъ и миллионовъ тѣль небесныхъ? чтобы узнати законы, свойства, устройство ихъ? — О христіане, для того требуется не одинъ вѣкъ, не тысяче-лѣтіе, не миллионы лѣтъ, для того нужна **безконечная вѣчность.** — Не думайте,

что въ царствіи небесномъ нечего будетъ намъ дѣлать, что тамъ предадимся лѣни, — о нѣть, и тамъ будемъ имѣти занятія (дѣла); но занятія наши не будутъ трудны, а послужатъ намъ въ утѣху, удовольствіе и радость.

Кромѣ всего этого въ Царствіи небесномъ живутъ не отдельно, но въ дружествѣ, въ самомъ совершенномъ дружествѣ. Уже и тутъ на землѣ какая утѣха жити съ добрыми людьми; жити съ такими, которыхъ любимъ, и которые любятъ насть. Но сколько тутъ такихъ? И какъ долго можемъ наслаждатися дружествомъ ихъ? Такъ скоро утрачаемъ ихъ, — отходятъ отъ насть! Но тамъ на вѣки вѣдно будемъ жити съ найсвятѣйшими, наиболагороднѣйшими, наилучшими душами. О какая утѣха будетъ поговорити съ Св. Іоанномъ Златоустомъ, съ св. Василіемъ Вел., съ св. Апостолами, пророками, мучениками, съ этими возвышенными, добрыми и любящими насть душами!

А когда встрѣтимся съ тѣми, съ которыми мы тутъ на землѣ вѣдно жили: съ родителями, братьями, сестрами, дѣтьми, друзьями своими, которыхъ тутъ на землѣ такъ любили! Тутъ зачнемъ опять вѣдно жити, любитися такъ, какъ на сей бѣдной землѣ никогда не любилися. — О какая радость будетъ узнати, что уже никогда не разлучимся, какая утѣха будетъ воспоминати о той бѣдной жизни, которую жили мы на

земли, какъ объясняется предъ нами, для чего страдали и терпѣли, для чего такъ скоро разлучалъ насть Богъ. Тогда увидимъ, что Богъ дѣлалъ все изъ любви къ намъ и по глубокой премудрости своей. Онъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ къ намъ явится великимъ, благимъ, милосерднымъ, явится истиннымъ Отцемъ. О съ какимъ чувствомъ и слезами благодарности повергнемся тогда предъ Величествомъ Его, въ какомъ упоеніи будемъ лобызати десницу Его, что училъ, хранилъ, отцевски наказывалъ, что очищалъ, прощалъ, милосердовалъ надъ нами и что наконецъ ввелъ насъ въ царство свое, въ вѣчное счастіе и блаженство.

Ни красота царства небеснаго, ни блаженное зрѣніе лицемъ къ лицу не составляютъ еще всего блаженства праведниковъ. Чтобы поняти это блаженство, нужно вникнуть глубже въ безконечную благость Божію. Богъ не токмо показается праведникамъ, но вполнѣ соединится съ ними, передастся имъ, такъ что они совсѣмъ будуть принадлежати Богу, а Богъ будетъ принадлежати имъ, — будутъ въ Богѣ, а Богъ будетъ въ нихъ. Ты вомиѣ, я въ тебѣ. — Между нами преграды, предѣла нѣть. — Но возможно ли это? Какъ можетъ быти Богъ въ моей ограниченной душѣ? — Искаю чего-то подобнаго тутъ на землѣ, и не нахожу. Еще и супружескій союзъ не походитъ на это соединеніе. И это сравненіе слабо и не

совершенно. Но лучшаго (сравненія) нѣть; самъ Богъ употребляетъ оное, когда говоритъ: „и обручу тя себѣ вѣкъ“. (Осія 2, 19.) О неизглаголанная благость Божія! О вожделѣнныя слова, одна бѣдная тварь, немощный человѣкъ слышитъ отъ своего создателя, отъ своего всемогущаго Бога: „и обручу тя себѣ вѣкъ“ и въ удивленіи отвѣчаетъ: „Господи какъ будетъ это?“ Для чего вопрошати; — довольно того, что Іисусъ Христосъ будетъ съ праведниками, будетъ въ нихъ, не какъ Господь, не какъ отецъ, но какъ обручникъ, — что? обручникъ? вѣдь и это названіе, которое — должно признati, — есть самое плѣнительное на землѣ, есть только ничтожная тѣнь того, что будетъ Богъ для души, которую счастливой сдѣлати хочетъ. Мы хотѣли-бы знати, какъ будетъ это? нѣть, того на землѣ узнати не можемъ, вѣдь собственно и того не знаемъ, какою солодостію наполняетъ сердце человѣка человѣческая любовь; — какъ же имѣти понятія о блаженствѣ происходящемъ отъ любви Божественныя? Можно заключати, что любовь Божественная о только большою солодостію наполнить сердца праведниковъ, чѣмъ любовь человѣческая, о сколько большій отъ человѣка Богъ.

Снійдемъ съ їавора, Христіане, и вспомнемъ, что мы еще тутъ на землѣ; — днесъ самовидцы были мы славы Божіей, на сколько это намъ возможно, о еслибы мы о сей славѣ никогда

не забывали, о если бы всегда предъ очами нашими стояла та радость и та утѣха, которую уготовалъ Богъ любящимъ его! Чей тогда всегда усиловали бы ся такъ дѣлать, такъ говорити, такъ и мыслити, чтобы не лишился той славы, той утѣхи и радости.

Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ, показавый ученикомъ своимъ на горѣ Фаворской славу своего Божества, и плѣнивый тамъ сердца учениковъ своихъ сладкими оковами любви, и блаженства, да осѣнить и васъ благодатю своею, чтобы отдалитися вамъ отъ всякихъ злыхъ дѣлъ, бесѣдъ и мыслей, — жити по заповѣдямъ Христовымъ, съ дня на день усовершатися, преуспѣвати въ добродѣтеляхъ и такъ сдѣлатися достойными блаженства во Царствіи Его. Аминь.

Новости, смѣсь.

— Его Преосвященство єпископъ Мукачевскій Іоанъ будеть рукополагати окончившихъ курсъ богословія и пріуготовившихся причетниковъ во іереи отъ усѣкновенія ч. главы Іоанна Крестителя до праздника Воздвиженія ч. Креста т. года.

— Приходъ Ракошинскій, на случай упраздненія его, вир. Епарх. Правительство намѣряеть раздѣлити такъ, чтобы філіали Кайдаково и Бепедиково составляли новый приходъ.

— Преосвященный Владыка Мукачевскій Іоанъ 11. августи по и. ст. возвратился домой изъ купели Тешлицкой, гдѣ Онъ перебылъ около 6 недѣль.

— Стефанъ Даніеловичъ бывшій

новицій чина св. Василія Вел. принять въ причетники Епархіи нашей.

— Вдова Николая Гомичкова пустила бібліотеку покойного мужа своего въ продажу Спісъ книгъ этой бібліотеки можно посмотреть у помянутой вдовы, или у О. Андрея Ковача еп. протоколиста въ Унгварѣ.

†

О. Александръ Ройковичъ, каѳедрального храма Пряшевскаго хранитель-каноникъ и архидіаконъ Спицкій, упокоился 16-го (28.) іюля т. года въ 51-омъ году жизни, 27-омъ священства, 13-омъ же каноничества своего, въ слѣдствіе чахотки. — Блаженный покой и вѣчная ему память!

— Въ Вышнемъ-Шарду отбылось 20. іюля (1. августа) благословеніе новосозданной прекрасной каменной церкви. Церковь сія сооружалася черезъ 20-ти лѣтъ, наконецъ окончена и благословена. Она особено поражаетъ пропорциональностью своихъ частей, что причиляетъ ей такую обвороживающую прелестъ, что наблюдатель не можетъ снять съ ней своихъ очей. — Церковь эта сооружалась подъ руководствомъ О. Андрея Фепцика, пароха в.-шардовскаго, при кураторахъ Петрѣ Романѣ и Феодорѣ Бѣлакѣ, которые уже упокоилися. Строеніе окончили кураторы Василій Погорѣлякъ и Василій Сакалошъ. — Строеніе длилось черезъ 20-ти лѣтъ, поелику на было средствъ; вѣрники ежегодно особенно для этой цѣли орали, сѣяли, — и урожай обращали на строеніе Церкви. И въ 20. годахъ повсталъ обширный великолѣпный храмъ. — Но и пѣкоторые отдѣльные простые жители жертвовали на церковь; такъ Иванъ Погорѣлякъ поставилъ престоль изъ 250. гульд. — Василій Погорѣлякъ украсилъ древній иконостасъ, для чего пожертвилъ 86. гульд. — Иванъ Фейерь, Михаилъ Куцарь и Петръ

Купарь поставили хоръ, Михаилъ Чедрикъ жертвенникъ. Вотъ и у насъ, между простыми людьми, есть благородныя души, отъ которыхъ можно бы научитися жертволовбю! Благословеніе церкви совершалъ О. Андрей Сабовъ благочинный, послѣ кото-раго слѣдовалъ обѣдъ во приходскомъ домѣ.

— Иры „Листка“ отъ 5-го с. г. можно получить въ редакціи по обыкновенной цѣнѣ.

— Русскій языкъ все болѣе и болѣе изучается чехами. Знающіхъ его можно считати уже многими сотнями, тогда какъ лѣтъ 30 тому назадъ, можно было пересчитати ихъ по пальцамъ. Въ нѣкоторыхъ приватныхъ учебныхъ за-веденіяхъ опѣ обязателенъ, какъ нѣмец-кій, но изучается еще съ большою любовью. Въ 8 лучшихъ магазинахъ Праги на двухъ главныхъ улицахъ говорятъ по русски, хотя и не вездѣ хорошо. У чеховъ за послѣднее время вошло въ обычай давати имена: Владіміръ и Ольга, въ честь русскихъ святыхъ. — Хорваты тоже учатся по русски. Въ Загребѣ основалось специальное общество дамъ къ той цѣли. Въ главѣ общества стоять Г.-жи Будманні, Ройцъ и Войновичъ. Газета *Hrvatska* говоритъ по тому поводу: „мы желаемъ, чтобы чѣмъ скорѣе пришло то время, когда хорватка, не знающая по русски, не будетъ считатися образованною“. Такъ какъ неимѣя цѣлисоответствующихъ учебниковъ; любительницы русского языка принуждены учитися по русски изъ нѣмецкихъ книгъ, то ученый филологъ Будманні издастъ русскую грамматику для хорватовъ. Чужie на-роды учатся по русски; только мы пренебрегаемъ своимъ языкомъ!

— Предъ нами лежать извѣстія унгварской каѳ. гимназіи. Изъ этихъ пзвѣстій видимъ, что въ унгварскую гимназію вин-салось началомъ сего минувшаго школьнаго года 510 студентовъ, концемъ года было

ихъ 468. — Между ними 113 римск. каѳ. — 163 греко-каѳ. — 5 авгсбургскаго, 21 гельветскаго а 144 Мойсееваго вѣроисповѣданія. По языку говорило изъ нихъ чисто по мадьярски 117, по мадьярски и по нѣ-мецки 92, по мадьярски и по словацки 62, по мадьярски, нѣмецки и по словацки 58, — по мадьярски и по русски 99, — по нѣмецки и по мадьярски 11, по словацки и по мадьярски 8, по русски и по мадьярски 21. И такъ умѣющими по русски, или признающими ся за русскихъ было 120. — Русскому языку, хотя это въ смыслѣ опредѣленія министерскаго съ года 1879. Но. 21,404. и для русскихъ необли-гатный предметъ, обучалось 133, — стало быти на преподаванія русского языка хо-дили и такие, которые впрочемъ не призна-вались за русскихъ. Это были изъ числа прочихъ греко-каѳоликовъ. — Изъ русскаго языка въ семи классахъ получило 25 классъ: отлично, 47 хорошо, а прочие довольно. Изъ нашихъ во всей гимназіи вообще получило 27 классъ недовольно или только па-ло. — Эксаменъ зрѣлости выдержало изъ на-шихъ 21. и то съ отличиемъ 2, — хо-рошо 5, — прочие же съ довольноымъ успѣ-хомъ. Кроме унгварской наши сыновья по-сѣщаются еще мукачевскую, марм.-сигот-скую, — шаторъ-алья-уйгельскую, сатмар-скую, кошицкую, пряшевскую гимназіи. Любопытно бы знати, сколько русскихъ находилось въ этихъ гимназіяхъ и съ ка-кимъ успѣхомъ они учились.

— Какъ цѣнятъ писателей въ Россіи. Русскій Императоръ назначилъ вдовѣ недавно упокоившагося драматиче-скаго писателя Островскаго 3000 рубл. пенсій, на воспитаніе малолѣтнаго сына до окончанія курса 600 рубл., а на воспитаніе другихъ дѣтей 1200 рубл., — всего 4800 рублей въ годъ.

Нр. 16.

Унгваръ, 15. (27.) августа 1886.

Годъ II.

Выходитъ
1-го в 15-го числа
каждаго мѣсяца
въ объемѣ
одного печатного
листа.

ЛИСТОКЪ.

ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Подписная цѣна:
На годъ 4 гульд.
На $\frac{1}{2}$ года 2 "
На $\frac{1}{4}$ " 1 "
За границею 5 гульд.
Подписку и разныя
статьи адрессовати
слѣдуетъ редактору
въ Порошково.
(Rogoskó Umgmege).

Отвѣтственный Редакторъ: Евгений Фенцикъ.

Смерть*) общества нашего.

Въ нашемъ вѣкѣ, когда каждый народъ усиливается предъупредити другаго разнаго рода изобрѣтеніями во просвѣщеніи, токмо тотъ достигнетъ цѣли своей, который въ общества совокупить своихъ славныхъ мужей — чтобы выработали ему дорогу принциповъ — ведущую къ городу успеха.

Который народъ имѣеть добродушныхъ и неустрашимыхъ предводителей и ихъ поддерживаетъ: тотъ — хотя бы совокупилася противъ него вся сила вражія — и наослѣдокъ восторжествуетъ.

Такимъ то способомъ стали малые народы сильными, — богатыми, — и подражанія достойными.

Но который народъ или неимѣеть неустрашимыхъ предводителей,

или котораго интеллигенція незнаеть и непечется о благѣ народа; или который народъ самъ невнимаетъ зову своихъ настоителей: тотъ — если его эта летаргія будетъ постоянной — пропадетъ.

Это послѣднее показаніе относится къ намъ подъ-карпатскимъ русскимъ, ибо хотя законы свободнаго и милаго нашего отечества дозволяютъ намъ свой милый языкъ, — который есть дочерю нашего богослужебнаго языка — развивати: мы однакожъ къ нему равнодушны, не для того, якъ бы его нелюбили — но одинственно про эгоистические наши интересы.

* * *

Человѣческая семья создана для жизни общественной; она живеть во городахъ и селахъ, и токмо эта содружественная жизнь могла произвести то, что теперь человѣкъ — разумною душою одаренный — неходить въ костюмѣ своихъ прародителей.

*) Не лучше были агонія, вѣдь еще совсѣмъ неумерло?

Ред.

Больше умовъ бо произвело больше благополезныхъ открытій, и содружественная жизнь подъ прапоромъ премудрости христіанской привела человѣчество въ нынѣшнее удивительное просвѣщенія положеніе.

Изъ сего явно: что разумъ въ обществѣ съ другими умами можетъ и воистину и отыскиваетъ удивительные изъображенія.

Гдѣ наша общественная жизнь? у насъ сколько умовъ, только принциповъ и убѣжденій, которыя во содружествѣ могли бы соединитися во одинъ принципъ, одно убѣженіе и изъ того произвести одно народъ ублажающее направленіе.

Но у насъ этого дочекатися нельзя, ибо мы сношъ развязанный и вѣтромъ разсѣянный; у насъ бо вождя коведенію общественными дѣлами не найдемъ; у насъ является распры и въ дѣлѣ языка; — мы невнимаемъ Апостолу міра (Кор. г. 1. з. 124.): „молю вы именемъ Господа нашего Іисуса Христа... да не будуть въ васъ распри“; у насъ равнодушіе воцарилося ко благимъ подвигамъ; у насъ эгоистическая боязнь къ занѣмѣнію приводить и уста ораторскія: у насъ одногласія ненайдемъ.

* * *

Всякое общество должно имѣти свою голову, — монархія какъ республика, — такъ и общество литературное. Если эта голова проникнута

своимъ званіемъ соключеннымъ съ одушевленіемъ: то и общество ю управляемое достигнетъ процвѣтанія.

У общества св. Василія Великаго во время оно былъ настоятель, который вель дѣлами общественными со благоразуміемъ и одушевленіемъ: и эти двѣ его добродѣтели и въ публикѣ производили одушевленіе, — результатомъ котораго были процвѣтаніе общества: „Бесѣда“ и „Народный Домъ“. Но по причинѣ холодности переемниковъ, неумѣстнаго страха и апатіи членовъ „Бесѣда“ умерла, вещи же ея безъ слѣду исчезли; „Народный Домъ“ неблагоразумно, неопытно и дорого купленный — проданъ дешево; деньги же за него полученные гдѣ-то безъ цѣли хранятся; а общество конаетъ (умираетъ).

Найглавнѣйшею причиною смерти общества будетъ: что въ греміи — какъ средоточіи нашей епархіи ненайдемъ мужа, который съ одушевленіемъ вель бы дѣлами общества.

Когда у первыхъ нашихъ людей видимъ равнодушіе и студеность, не возможно, — ибо „exempla trahunt“, чтобы и та малая, — языкъ свой образовать желающая часть не унывала.

Больный врачъ — болящее-же общество невылѣчить.

* * *

Но коснѣть наше общество и про несогласіе наше.

Божественный Учитель за учениковъ такъ молился (Іоаннъ г. 17. с.

11): „Отче св. соблюди ихъ во имя твоє . . . да будуть едино, якоже и мы“, а мы пренебрегаемъ этими словами: не соглашаемся и то изъ-за того языка, который есть нашъ материнскій, а къ тому есть дочерю св. Богослужебнаго языка, — и вступаемъ между собою во распри и несогласія одинственноproto, что бы понравиться какимъ-то „пудранкамъ“. Мы должны бы знати, что законы милаго нашего отечества нетокмо дозволяютъ, но повелѣваютъ образовати родный языкъ, ибо просвѣщеніе достигнутия можетъ одинственно на родномъ каждаго народа языкѣ.

Но со другой стороны литературный языкъ происходитъ отъ старославянскаго; и если старославянскій языкъ теперь незнаютъ и тѣ, которые учатъ ему, тѣмъ менѣе знаютъ его ученики: и для того къ поразумѣнію св. Письма и св. Обряда неотмѣнно нужно упражнятися въ томъ языкѣ, который наиболѣше стоитъ ко письменности св. книгъ и то нужно для того, чтобы неуподобитися молебнымъ машинамъ. Мы училися много; мы предводители одной духовно и материально бѣдной семьи, за которой духовное и материальное благо отвѣчательны предъ Богомъ и міромъ; знаемъ лат. пословицу: *concordia parvae res crescunt, discordia maxima dilabuntur*, а однако въ языковомъ отношеніи пришли въ несогласіе.

Гдѣ тутъ логика, благоразуміе?

* * *

Третья причина смерти общества равнодушіе или лучше благое бездѣліе наше.

Выйдеть молодой священникъ въ приходъ, передается быстро хозяйству, забываетъ про свое званіе: учится и во всякихъ благихъ подвигахъ участвовать, ему предъ очами ходить мечта обогатѣнія.

Еслибы это расположеніе хранилъ до конца... можетъ быти, что достигъ бы не богатства — но хорошаго материальнаго положенія: но по большей части во среднихъ жизни годахъ лишить его и та охота; охота же ко наукѣ его давно оставила: и тогда передается или страстямъ, или станетъ преобладати имъ то благое бездѣліе, котораго дочерю есть равнодушіе, которое говоритъ: „такмо да живу въ покоѣ, про меня можетъ обратитися міръ вспять“.

Отъ такихъ не ожидай ничего; ибо хотя во скукѣ прочтуть нѣчто тобою даромъ присланное, то чтуть одинственноproto, чтобы тѣмъ легче передатися въ лоно морфея.

* * *

Четвертая причина паденія общества . . . эгоистическая боязнь.

Боятися надо Бога яро дѣла наши: суда же земнаго, также — человѣка, про беззаконіе.

Кто про корыстолюбіе, про „авантажъ“, про бѣдность своей тѣлесной семьи отвергается своего духа „ко-

торый питалъ нашего милаго отечества воздухъ, котораго кормилъ бѣднаго русскаго хлѣбъ, во которомъ также имѣла бы кицѣти горячая приверженность ко своей родинѣ, — и боится правое и свободное дѣло подпирати: тотъ не заслужить ничего кромѣ презрѣнія, ибо если оставилъ благое дѣло, оставилъ онъ и своихъ теперешнихъ идоловъ — еслибы имѣлъ надежды найти другихъ, которые бы его ненасытимому эгоизму лучше могли удовлетворити.

* * *

Нашъ народъ со всею своею интеллигентіею всегда вѣренъ былъ ко отечеству. — Свидѣтельства исторіи доказываютъ что всегда былъ во времія мира покоенъ, во времія браніи храбръ и вѣренъ; Бочкай русскихъ гайдуковъ про ихъ храбрость подарилъ имѣніями во комитатѣ саболчскомъ; Раковцій собралъ свое войско почти изъ самыхъ угро-руссовъ, во времія борьбы за свободу всегда тамъ были угро-русы подъ знаменами свободы.

Что теперь нѣкоторые 50. країцаровы мадяры бросаютъ на насъ грязью подозрѣнія . . то это клевета, которая падаетъ на главу клеветниковъ же, которые вѣроятно, еслибы ихъ отечество звало во будущности противъ врага, — скрылися бы за платье своихъ супругъ.

При этакихъ обстоятельствахъ показывать званнымъ вождямъ просвѣ-

щенія къ сему провидѣніемъ преимуществами обдаренному народу — студентность . . . значитъ: желати, чтобы тѣ преимущества всегда спали, что неоспоримо есть грѣхомъ не токмо противъ своего рода, но противъ всего человѣчества.

Распра, боязнь не суть врагами видимыми, а невидимыми, которыхъ цѣль уничтожити согласіе и во молчаніе привести нашъ народъ со его интеллигентіей: чтобы онъ и на послѣдокъ стался парію.

Бездѣліе, апатія, холодность, несогласія это очевидно такія дѣла, которые никому не приносятъ пользы. Справедливое, полезное и законное дѣло заслужить, чтобы его поддерживати. Кто оттягивается отъ него, тотъ сожалѣнія достойный человѣкъ.

Лишь если литературное общество наше процвѣтѣтъ, и подъ прапоромъ его просвѣтится народъ: лишь тогда будемъ мы полезно работати на пользу и славу милаго нашего отечества.

а—ръ.

Первобытныя жилища Славянъ.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что колыбелю Славянъ, какъ и прочихъ индоевропейскихъ народовъ, была Азія; но и то не подлежитъ сомнѣнію, что Славяне переселились въ Европу еще въ предъисторическія времена, съ прочими соплеменными индоевропейскими народами.

Здѣсь въ Европѣ первоначальный жилища Славянъ были на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, — вотъ для чего Дунай такъ часто вспоминается въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ:

„Ой плыну я по Дунаю,”

„Тай думаю, тай думаю” . . или:
„Велять менѣ Дунай брести,

„Дунай рѣчку тай глубокую” . . или:

Вотъ и лѣтописецъ говоритъ: „По мнозѣхъ времонїхъ (по потопѣ) сѣли суть Словѣне по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска”.

Но когда Славяне стали размножатися въ окрестностяхъ Дуная, сдѣлалось имъ тѣсно и они принуждены были выселиваться, — къ тому присовокупилось и другое обстоятельство: съ запада нашли на Славянъ Кельты и Волохи, эти встревожили мирныхъ Славянъ и заставили ихъ искать себѣ новыхъ жилищъ. Слѣдствіемъ нашествія Кельтовъ и Волоховъ было то, что одни изъ нихъ отъ Дуная потянулись къ сѣверо-западу, это нынѣшнія западно-славянскія или Ляшскія племена; а другія отправились на сѣверо-востокъ, это нынѣшнія русскія племена, къ которымъ принадлежимъ и мы.

Эти послѣднія болѣе интересуютъ насъ, для чего и остановимся при сихъ.

Восточные Славяне, тѣснимые толпами чужихъ народовъ, шли все и все больше по направленію къ сѣверо-востоку, пока не достигли озера Ильмеря. Здѣсь они остановились и положили основаніе великому Новгороду.

Но не всѣ восточные Славяне шли въ одно время, нѣкоторые изъ нихъ слѣдовали позднѣйше своимъ соплеменникамъ, и остановились, если почувствовали, что напискъ съ юга утихъ. Такимъ образомъ одни изъ этихъ Славянъ остановились на рѣкѣ Двинѣ, другіе на Припети, третыи на Сожѣ. Опять другіе изъ нихъ стали жити по Днѣстру, Бугу, Днѣпру и ихъ притокамъ.

Эти славянскія племена не составляли одно цѣлое, это не былъ одинъ сплошно (*szakadatlanul egymás mellett*) живущій народъ. Славянъ раздѣляли рѣки, лѣса, горы, болота, степи (*puszták*). И каждое отдельно живущее племя имѣло и особое название. Такимъ способомъ явились Кривичи на Двинѣ, — Радимичи по правой, а Вятчи по лѣвой сторонѣ Десны, — Древяне на Припети, Поляне на Днѣпру, — Хорваты на Днѣстру и Бугу по склонамъ Карпатскихъ горъ.

Вотъ какъ разселились Славяне, какъ разошлись отъ своего первобытнаго жилища: отъ средняго и нижняго Дуная.

Новые жилища Славянъ никакъ не льзя назвати странами текущими млечомъ и медомъ. Это были по большей части болотистыя, лѣsistыя, дарами природы скудно одаренные страны. Тутъ нечего было надѣяться на плодородіе земли, тутъ нужно было заботиться о томъ, чтобы какимъ-то другимъ путемъ добыть средства для жизни. Правда, что это новое отечество Сла-

вянъ никакъ не могло сравняти съ ихъ первымъ жилищемъ на Дунаѣ; но и здѣсь могли они отыскати способъ, который могъ доставити имъ всѣ условия жизни. Это новое отечество Славянъ изобиловало судоходными рѣками, и такъ оказалось очень способнымъ для веденія торговли. Вотъ почему и развилась такъ у этихъ славянъ торговля, которою они зачали особенно занимatisя.

Богъ Творецъ Вселенной, — и Дарвинизмъ.

(Продолженіе.)

И такъ не было ни земли ни воды; но было нѣчто неустроенное, неосязаемое, парообразное, что густѣло, принимало плоть. Чтобы сдѣлatisя сплошнымъ, для того нужно было движение. „Движеніе, — говорятъ энциклопедисты XVIII. вѣка, не принадлежитъ къ сущности матеріи, и такъ должно происходить отъ кого-то посторонняго; ничто не можетъ сообщити толчокъ (lökés), поелику ничто не имѣеть дѣйствія; и такъ есть какая-то иная причина, которая привела матерію въ движение, а эта причина не можетъ быти ни матерія ни тѣло: но та, которую называемъ духомъ“. То, что обѣ этомъ говорить Мойсей: „и Духъ Божій ношаšeся верху воды“. Верхъ этой мглистой массы дѣйствовалъ Богъ, какъ вѣтеръ. Въ своемъ учономъ воодушевленіи говорить Лапласъ: „Для образованія міра

находятся мнѣ въ рукахъ всѣ стихіи; но необходимо, чтобъ всему этому кто-то далъ щелчокъ (frickska). Вотъ этотъ кто-то: и Духъ Божій ношаšeся верху воды.

Прежде чѣмъ узнали ученую красоту этихъ еврейскихъ словъ Мойселя, сознали и литературную красоту ихъ. „Духъ Божій ношаšeся“ это не только вѣющій вѣтерокъ, но птицы неслышимое маханіе крыломъ, любовный шелестъ надъ ея гнѣздомъ. И Богъ такъ парилъ полный жизнью и плодоносностію надъ немощными стихіями, надъ той, въ исполинскомъ просторѣ безконечности распростертой, неустроенной, темной, безжизненной массой.

Второе видѣніе Мойселя, вторая картина (kér): начало движенья, дуновеніе Божественнаго вѣтерка, которое двигнуло массу, и начало ея организацію. Старая біблія, и молоденькая наука такъ чудесно соглашаются здѣсь!

III.

„И рече Богъ: да будетъ свѣтъ: и бысть свѣтъ. И видѣ Богъ свѣтъ, яко добро.“ (Быт. 1, 3—4.) Лонгинъ говоритъ, что это первое предложеніе (mondat) превосходное. Но этого мало: оно Божественное! Человѣкъ никогда не говорилъ бы подобнымъ образомъ. „Fiat lux“ отъ тысячелѣтій мѣшаетъ вѣрѣ, возмущаетъ умъ. Какъ? Богъ сотворилъ прежде всего свѣтъ! Прежде, чѣмъ землю, которую долженствовалъ освѣтити! Но для чего? Сотворилъ

прежде солица, изъ которого сияетъ! Возможно-ли это? А солнце является лишь четвертаго дня, послѣ цветовъ, плодовъ, деревьевъ, которымъ даетъ жизнь! Вѣдь это пошло на выворотъ. Бл. Августинъ не умѣетъ выпутаться съ этого, и прибѣгаєтъ къ таинственному толкованію. Боссвѣ понимаетъ дѣло съ очень высокаго точки зрењія. „Если Богъ скорѣе привелъ въ дѣйствіе результатъ, чѣмъ причину, то тѣмъ хотѣлъ показати могущество свое“. Вольтеръ не терпить, чтобы такъ легко и безосновно обошлися съ нимъ; то съ Дидеротомъ и Даламбертомъ и съ энциклопедистами издаётся (kötekedik).

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Демонъ.

Восточная повѣсть.

Часть первая.

(Продолженіе.)

IV.

И предъ нимъ иной картины (kér)
Красы живыя разцвѣли,
Роскошной Грузіи (Georgia) долины
Ковромъ (szőnyegként) раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя руины (rom),
Звонко бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи (csereje) розъ, гдѣ соловыи
Поютъ красавицъ безотвѣтныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ (boglárfa) развесистыя сѣни,
Густыни вѣнчанныя плющемъ (gerkély),
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь и шумъ листовъ,

Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханіе тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненныя (mognedvesített) ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.
Но, кроме зависти холодной
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнаника безплодной,
Ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ —
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ, иль ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Съдой Гудаль себѣ построилъ . . .
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ (lejtő) соседнихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ парублены ступени (lépcéb);
Онѣ отъ башни (torony) угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая (félén)
Шокрыта бѣлою чадрой (fátyol)
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ (nézett) съ утеса (szikla) мрачный
[домъ;]
Но пиръ (lakomá) большой сегодня въ нѣмъ,
Звучить зурна (hangszér) и льются винны:
Гудаль сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ (fedél), устланной коврами (szőnyeg),
Сидѣть невѣста межъ подругъ;
Средъ игръ и пѣсенъ ихъ досугъ (szabadidő);
Проходитъ. Дальими горами
Ужъ спрятанъ солица полукругъ.
Въ ладони (долони) мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Береть невѣста молодая —
И вотъ (íshé) она одной рукой

Кружка его надъ головой,
То вдругъ помчится (*elrohan*) легче птицы,
То остановится — глядитъ (*néz*),
И влажный (*nedves*) взоръ ея блестить
Изъ подъ завистливой рѣсицы (*szempilla*):
То черной бровью (*szemöldök*) проведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользить (*siklik*), плыветь
Ея божественная ножка,
И улыбается (*mosolyog*) она,
Веселья дѣтского полна.
Но лучъ луны по влагѣ (*folyadék*) зыбкой (*ingó*)
Слегка играющій порой
Едва-ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздою,
Лучомъ (*sugár*) заката (*napest*) и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единий царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызгущій фонтанъ (*szökőkut*)
Ни разу жаркою порою (*hőségben*),
Своей жемчужною росою (*gyöngyharmat*)
Не омывалъ подобный станъ (*termet*);
Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,
Такихъ волосъ не расплела.
Съ-тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга (*dél*) не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала,
Увы! заутры ожидала
Её, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое (*rajkos*) дитя,
Судьбз печальная рабыни.
Отчизна (*baza*) чуждая понынѣ,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомнѣнїе
Темнило свѣтлыя черты (*arczvonás*);
Но были все ея движенья (*mozdplat*)
Такъ стройны (*övezhangzó*) полны выраженія,

Такъ полны милой простоты,
Что еслибъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на неё взглянуль,
То прежнихъ братій вспоминая,
Онъ отвергнулся бъ — и вздохнулъ . . .

IX.

И демонъ видѣлъ . . . На мгновеніе (*egy*
[percze],)
Непознанное волненіе (*puugtalanság*).
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ (*hang*),
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты
И долго сладостной картиной (*kér*)
Онъ любовался (*gyönyörködött*) — и мечты
[(ábránd)]

О прежнемъ счастьѣ цѣпью (*láncz*) длинной,
Какъ-будто за звѣздой звѣза,
Предъ нимъ катилися тогда,
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
То бывъ-ли признакъ (*jel*) возрожденія?
Онъ словъ коварныхъ (*csalfa*) искушенія
Найти въ умѣ своеемъ не могъ.
Забыть? — забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья.

X.

Измучивъ доброго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшить женихъ нетерпѣливо
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношою (*téher*) даровъ
Едва-едва (*alig*) переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ (*sor*),
Дорогой тянется, мелькая (*föl-föltünnéi*):
Ихъ колокольчики звенятъ . . .
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ ловскій (*ügyes*) станъ;

Оправа (*foglalvány*) сабли и кинжала (*tőr*)
Блестить на солнцѣ; за спиной (*hát*)
Ружье (*löfegyver*) съ насѣчкой (*bemetszés*)
вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи (*csuhá*); кругомъ она
Вся галуномъ (*raszomány*) обложена.
Цвѣтными вышиты шелками
Его сѣдло, узда (*zabola*) съ кистями (*bojt*);
Подъ нимъ весь въ мылѣ (*tajték*) конь лихой,
Безцѣнной масти (*szín*) золотой.
Питомецъ рѣзвый (*eleven*) карабаха,
Прядетъ ушими и, полны страхомъ,
Храпя, косится съ крутизны (*meredekség*)
На пѣну скачущей волны (*hab*).
Опасенъ (*veszélyes*), узокъ путь прибрежный:
Утесы (*sziklák*) съ лѣвой стороны,
Направо глубь (*mélisége*) рѣки мятежной.
Ужь поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ (*ríg*) гаснетъ, всталъ туманъ (*köd*):
Прибавилъ (*meggyorsította*) шагу (*lépés*)
караванъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Бѣда, нѣть жида.

— Повѣсть Урила Метеора. —

VII. Чёрные дни.

(Продолженіе.)

Ахъ Анна будешь проклинать эту годину!

Гаврило медленно поднялся съ места, взялъ стаканъ, и выпилъ.

— Если пить, такъ пить, — сказалъ чмокая при солодкомъ вкусѣ приправленной водки.

На понужденіе Мендуля часто слѣдовалъ стаканъ за стаканомъ. На лицѣ Гаврила явился хмѣльный румянецъ, впалые глаза загорѣлись. Не прошло

цѣлаго часа, и Гаврило такъ плясалъ въ питейной, что всѣ вытаращили на него глаза отъ удивленія. Пьяный какъ комаръ, во все горло припѣвая за музыкой выкрикивалъ:

Сорокъ сорокъ на дубѣ,
Громъ ударилъ по чубѣ,
А послѣднюю сороку
Заболѣло у боку.
Гей Дубе, Дубе!
Гей Дубе, Дубе!

Мендель погладился по рыжей бородѣ, и былъ собою вполнѣ доволенъ.

Какъ донесли Отцу Исидору о поведеніи Гаврила, грустно сказалъ: Нѣть болѣе для Гаврила избавленія.

Въ самомъ дѣлѣ Гаврило изо дня въ день болѣе пилъ, запивался. Сталъ настоящимъ пьяницею. Рѣдко протрезвался, да и то конечно не для радости.

Рогатые волы Мендель безо всякаго торга взялъ „на шерсть“. Михаила постригли въ рекрутъ. О Сусаннѣ и Катинкѣ начала разноситься такая молва, Господи сохрани. Лица красавицъ что-то поблѣдли, и они стали скрываться, избѣгать испытательныхъ взоровъ.

Приблизилась весна, срокъ для отшествія Мендуля. Настало и лѣто, но Мендель и не думалъ оставить своего постоя, сознавалъ, что онъ давно у себя дома. О томъ ужь никто несомнѣвался.

Одного дня мѣсяца Іюня столпились селяне возлѣ мытницы, шумъ

доносился до села, потому что подъ мостомъ изъ воды вытащили потопленницу. Оказалось, что это Дубова Катинка. Донесли протрезвившемуся въ это время отцу, онъ не сказавъ ни слова пошатнулся и бездушно упалъ. Какъ отъ поливанія холодной воды пришелъ въ себя, оказалось что онѣмѣлъ. Ударъ коснулся языка его, и голова страдала вѣчною тряской.

Для изслѣдованія трупа прибыла въ слѣдующій день изъ города отъ волостного начальства комиссія съ хирургомъ, и послѣ разсѣканія освѣдомились, что несчастная потопленница была отъ пяти мѣсяцей въ беременному состояніи.

Не одна слезинка потекла за несчастливою девицей, когда ее похороняли, и материаго горя нельзѧ языкомъ человѣческимъ вѣрно выразить. Гаврило отъ сего времени былъ какимъ-то существомъ, въ которомъ пламень жизни еще не угасъ, тлѣлъ, дотлѣвалъ, но жизнь его равнялась скорѣ жизни растѣнія, нежели человѣка.

Всегда чаша горя была еще не полна. Еще ожидало его одно большее потрясеніе. Прекраснаго іюльскаго утра, раздался на улицѣ Сорокина крикъ, собака несла въ зубахъ разтерзанного младенца, за нею бѣжали люди, жены, дѣти съ тѣмъ, чтобы отнять отъ собаки кроваваго младенца. Какъ удалось отбить отъ собаки ребенка, никто незнай сказатъ: чей онъ? Но вскорѣ открылась тайна. На краю кладбища нашли свѣжую, только

что вырытую небольшую ямину, изъ ней вытеребила собака младенца. Подозрѣніе пало на Сусанну, и она обличена въ состояніи послѣ родовъ.

Новая комиссія. Оказалось, что младенецъ родился живымъ, и насильно задушенъ. Сусанна отвезена подъ конвоемъ жандармовъ въ городскую тюрьму.—Гаврило въ послѣдній разъ запился запоемъ, и запился такъ, что спиртъ зажегся въ немъ. Замѣтили только тогда, когда онъ весь почернѣлый лежалъ мертвымъ, а изъ устъ еще не престалъ выходить синій пламень.

Не успѣлъ услышать о Сусанѣ той вѣсти, что она первой же ночи, которую предстояло ей провести въ тюрьмѣ, отъ стыда повѣсилась на дверній крюкъ и удавилась.

Опять комиссія въ дѣлѣ умершаго Гаврила. Въ Сорокиномъ никогда не появлялось столько комиссій. Послѣ раскрытия черепа Гаврила хирургъ объявилъ: что при иныхъ обстоятельствахъ могъ бы быть прожить еще и до пятьдесяти годовъ.

Потомъ мертвое тѣло перенесли въсосѣдскій домъ, чтобы оттуду совершить похоронъ. Ей! печальный былъ это похоронъ. Никто непроронилъ за мертвѣцомъ слезинки: у Анны отъ постигавшихъ ее столько ударовъ истощился источникъ слезъ, отупѣла совсѣмъ какъ дерево, смотрѣла съ раскрытыми широко глазами равнодушно на все какъ съумашедшая.

(Продолженіе слѣдує.)

Церковные проповѣди.

Слово въ недѣлю XII. послѣ Пятидесятницы.

„Паки же глаголю Вамъ: удобѣе есть велбду сквозь иглины уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити“. (Мате. 19, 24.)

Сіи слова Іисуса Господа особенно относятся къ нашему нынѣшнему вѣку. Для чего? Для того, ибо днесъ каждый трясеется лишь надъ однимъ: надъ богатствомъ. Днесъ каждый желаетъ лишь одного: обогатити-ся. Люди жертвуютъ здоровьемъ, жизнью, честю, даже спасенiemъ души, — чтобы сдѣлatisя богатыми. Нашъ испорченный материальный вѣкъ — кажется, — не знаетъ ничего лучшаго, ничего высшаго; — не знаетъ цѣнѣнѣшаго блага, чѣмъ гроши, — чѣмъ избытокъ материальныхъ средствъ; но хотя всѣ гонятся за богатствомъ, хотя всѣ такъ нетерпѣливо, силой силечной хотятъ обогатити-ся, — хотя всѣ странія свои полагаютъ, чтобы достигнути сей цѣли; трудятся день ночь, — заводятъ фабрики, изобрѣтаютъ машины, — даже угнетаютъ, оскорбляютъ другъ друга, обманываютъ разными измышленными способами: — однако никогда не жаловалися люди такъ на бѣдность и на нищету, какъ точно въ нашъ вѣкъ, въ наше время. Днесъ каждый хочетъ богатымъ быти, каждый хочетъ во свои руки захватити всѣ сокровища, — а однако никогда не было только

бѣдныхъ, нищихъ и несчастныхъ, какъ днесъ. Не глумленіе-ли это? Не Божіе ли наказаніе это, за то, что люди забываютъ о Божественной наукѣ: „ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ“ (Мате. 6, 33.); что забываютъ слова Спасителя: „безумне, въ сію нощь душу твою истяжутъ отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ?“ (Лук. 12, 20.)

Міръ гонится за богатствомъ, Господь же говоритъ: „удобѣе есть велбду сквозь иглины уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити“. Смыслъ сихъ словъ есть таковъ, что богатому почти невозможно въ царствіе Божіе внити. Для чего ученики и вопрошаютъ Господа Іисуса: „кто убо можетъ спасенъ быти?“ и Іисусъ Христость отвѣчаетъ имъ: „у человѣкъ сіє невозможно есть, у Бога же вся возможна.“

Разсмотримъ, христіане, для чего богатому такъ трудно въ царствіе Божіе внити?

Для того, ибо во первыхъ богатые очень рѣдко собираютъ справедливымъ путемъ богатства свои, а во вторыхъ для того, ибо богатые обыкновенно забываютъ о Богѣ, живутъ во роскоши, исчерпываютъ всѣ возможныя солодости мірскія и не употребляютъ свое богатство для благихъ и душеспасительныхъ цѣлей.

Какъ пріобрѣтаются богатства?

Изъ опыта знаемъ, что по большей части путемъ несправедливымъ. Такій человѣкъ, который каждому воздаетъ свое, — который къ тому и не безчувствителенъ къ нуждамъ другихъ, — который всегда предъ очами своими держитъ, чтобы не оскорбить, не обидѣти ближняго, — который не можетъ сдержатися, чтобы не помогъ ближнему, когда тотъ находится въ бѣдѣ и требуетъ помощи, — такій человѣкъ не можетъ обогатитися.

Но обогащаются обыкновенно такие, которые во всемъ искаютъ только своей выгоды, — которые не разбираютъ средствъ, не выбираютъ путя, какимъ идти, — еслибы онъ только привелъ къ цѣли, еслибы только обогатитися.

На примѣръ: купцы часто дешево покупаютъ плохій товаръ (*kelme*), а продаютъ оный дорого, — торгуютъ фальшивыми мѣрами и такъ несправедливымъ путемъ собираютъ себѣ богатства. — Ремесленники, часто работаютъ лиць для ока, готовятъ вещи изъ слабаго матерьяла, за работу велиятъ платити себѣ высокую цѣну, — и такъ берутъ несправедливо не заслуженную плату. — А что сказать о тѣхъ, которые воспользуются бѣдственнымъ положенiemъ другихъ, чтобы убѣльшати имѣніе свое? У бѣднаго человѣка пятеро, шестеро — маленькихъ дѣтей, — нѣть хлѣба, голодаютъ, — бѣдный принужденъ кланяться другому, чтобы помогъ ему въ его трудномъ положеніи, — тотъ по-

магаетъ, но такъ, что отъ бѣднаго послѣ береть двараза только, сколько онъ далъ. — Представьте себѣ, что онъ помогъ пятьдесятъ или сто бѣднякамъ, — и отъ каждого изъ нихъ береть по два раза только, сколько онъ далъ. — Какъ сейчасъ умножается имѣніе его! Но справедливо ли это? Можетъ-ли онъ то, что подобнымъ образомъ вынудилъ отъ бѣднаго, назвати своимъ?

Опять другой примѣръ. Бѣдному человѣку нужно платити, но не имѣеть грошей, — идетъ просить взаймы, — и на конецъ получаетъ, — но на огромные проценты. Взаймодавецъ такъ и ожидалъ его, чтобы возрастити имѣніе свое. — Бѣднякъ, едва можетъ сплачивати проценты, а имѣніе взаймодавца растетъ. Но очевидно, что то, что растетъ, не его; ибо онъ присвоиваетъ чужее достояніе.

А сколько такихъ людей, которые наимаютъ работниковъ, заставляютъ ихъ обрабатывать поля свои, — а послѣ вержутъ жменю муки, или какуюто другую безцѣнницу, и думаютъ, что тѣмъ отдали плату наемнику. Поля и нивы даютъ плодъ, но это плодъ отчасти не ихъ, а принадлежитъ тѣмъ, которые воздѣлывали ихъ землю.

Представьте теперь себѣ, христіанѣ, что если кто-то сякими, или подобными способами накопилъ (*felhalmozott*) себѣ богатство, не трудно-ли такому внити въ царство небесное?

Имѣніе, которое онъ накопилъ себѣ,

— не его, — принадлежитъ собственно не ему. Это чужое имѣніе, которое онъ задерживаетъ у себя. Если же это чужое имѣніе, то справедливость и Божія и человѣческая требуетъ того, чтобы оно отдано было тому, кому оно собственно принадлежитъ. Но много-ли найдется такихъ богачей, которые бы готовы были несправедливымъ путемъ нажитое богатство отдать тѣмъ, отъ которыхъ оно выманено и отобрано? Много-ли найдется закхеевъ, которые бы сказали: „Господи, се половину имѣнія моего дамъ нищимъ, а если кого-то обидѣхъ, возвращу четверицею?“ Нѣтъ, — такихъ закхеевъ не много найдется. Богачи обыкновенно страстно прилѣпляются ко своему имѣнію, — и нехотятъ разлучится съ нимъ. — А справедливость требуетъ, чтобы отдать каждому свое. Ну какъ же имъ внити во царство небесное? Видите, Христіане, какъ вѣрны слова Христа Господа: „удобѣ есть велбуду сквозь иглины уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити“.

Но трудно богатымъ въ царствіе Божіе внити и по той причинѣ, ибо богатые обыкновенно употребляютъ не во свое душевное спасеніе; но въ душевную пагубу имѣніе свое. — Богатые обыкновенно говорятъ: „Душе, имашъ многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселися“. (Лук. 12, 19).

Нѣтъ, христіане, жизнь не для того намъ дана, чтобы юсти, пити и веселитися, но для того, чтобы чѣмъ лучше усовершитися. И такъ, кто для того употребляетъ свое имѣніе, чтобы юсти, пити и веселитися, тотъ сбился съ пути, тотъ утратилъ предъ очами цѣль свою, — у того не будетъ времени для усовершенія. — А если юсть и пить до обжирства, — если веселитися законопреступно, если гонится за солодостями закономъ Божіимъ запрещенными! Если купуетъ себѣ гроши своими пагубу и осужденіе! Очевидно, что въ томъ случаѣ трудно ему въ царствіе Божіе внити.

Но есть люди, которые имѣніе свое обращаютъ для того, чтобы угнетати и тѣснити другихъ, — которые раздаютъ гроши на великанскіе проценты, — и тѣмъ приобрѣтаютъ власть и могущество надъ близкими своими, держать ихъ въ известномъ смыслѣ въ рабствѣ, — и такъ имущество свое употребляютъ для порабощенія другихъ. О, христіане, не отдаляетъ-ли и сихъ богатство отъ цѣли ихъ: отъ царства небеснаго?

А которые трясутся надъ грошами, которые лишь коплять и коплять гроши ко грошамъ, и ничего полезнаго не творять ни себѣ ни другимъ; которые страдаютъ въ скаредномъ недугѣ сребролюбія? Чей тѣхъ не отдаляетъ отъ цѣли, отъ царства небеснаго богатство?

А которые жертвуютъ тысячами на театры, на увеселительные domы

изъ одного тщеславія, чей тѣхъ ведеть во царство небесное богатство?

Нѣтъ, нѣтъ, — всѣ они злоупотребляютъ имѣніемъ своимъ, всѣмъ имъ преграждаетъ путь въ царство небесное богатство, — ко всѣмъ имъ могутъ отнесены быти слова Христа Спасителя: „удобѣе есть велбуду сквозь иглины уши пройти, неже богату въ царствіе Божіе внити“.

„Кто же можетъ спасенъ быти?“ вопрошаютъ Спасителя ученики. „У человѣкъ сіе невозможна есть, у Бога же вся возможна“, отвѣчаетъ Господь; изъ этихъ словъ вѣрно заключаемъ, что богатые однако не суть исключены изъ царствія небеснаго, что и они могутъ спастися.

Богатство само въ себѣ не зло, — не законопреступленіе, и такъ оно само въ себѣ и не можетъ заградити намъ путь во царство небесное.

Но богатый можетъ спастися токмо такъ, если онъ справедливымъ путемъ собиралъ свое имѣніе, если при собираниі сего имѣнія не обидѣлъ, не окривдилъ никого, — и если имѣніе свое не употреблялъ на законопреступныя дѣла, а усовѣвался обращати его на Богоугодныя дѣла любви и милосердія.

И такъ, христіане, если Богъ наградилъ труды ваши, и помогъ Вамъ собрати какое-то имѣніе, не забывайте, что это получили Вы отъ Бога, получили не для пагубы, но для вашего удовлетворенія. Употребляйте же

имѣніе ваше для благихъ цѣлей, на славу Божію, на помощь нуждающимся ближнимъ вашимъ. Вѣрьте, что нѣтъ на свѣтѣ сладчайшей радости, нѣтъ большей утѣхи, нѣтъ большаго счастія, какъ отерти слезы нуждающемуся нищему и бѣдной сиротѣ.

А если чувствуете, что имѣніе свое собрали Вы путемъ несправедливымъ, о тогда скажите со Закхеемъ: „Се половину имѣнія моего дамъ нищимъ, а если кого-то обидѣхъ, возвращу четверицею“, — вознаградите каждого, кого вы окривдили, ибо иначе не внидете во царство небесное! Аминь.

Е. Ф.

Слово надъ гробомъ матери семейства.

„Идѣже идеши ты, и азъ пойду, и идѣже водворишися ты, водворюся и азъ: людіе твои, людіе мон, и Богъ твой, Богъ мой. И идѣже аще умреши, умру, и тамо погребуся“. (Руѣ 1, 16, 17.)

Этими словами сопровождала Руѣ тещу свою Ноеми, готова бывши долю и невзгоды, скитанія и всю неизвѣстность будущности раздѣлiti съ нею; — этими словами точно представляется вѣрность одной жены, — для того избралъ и я ихъ на чело днешняго моего слова, — когда тѣло одной супруги и нѣжной матери передаемъ холодной землѣ.

Чего сказать о нашей туземной жизни? Люди говорятъ, что она полна бѣдствій, что въ ней нѣтъ блажен-

ства. И я неотрицаю этого утверждения, я соглашаюсь съ нимъ. Вѣдь дитя какъ скоро увидить свѣтъ, уже плачетъ, какъ бы хотѣло сказать, что оно явилось въ долинѣ плача и рыданія, что оно зачало ту жизнь, которая очень часто даетъ ему поводъ для плача, для печали. Этотъ плачъ очень часто повторяетъ человѣкъ во своемъ дѣтскомъ, юношескомъ, мужескомъ и старческомъ возрастѣ. Когда же на послѣдокъ умретъ, тогда другіе плачутъ надъ нимъ. Но хотя жизнь наша полна печали и горести, однако есть одно состояніе, которое намъ причиняетъ иѣкое удовольствіе, это семейственное состояніе! Семья или фамилія внутрь себя находитъ свое счастіе, это нашъ земный рай, это иѣкій, — правда несовершенный, образъ того счастія, которое было суждено прародителямъ нашимъ въ раѣ. Кто ведетъ тихую, семейную жизнь, кого не смущаютъ семейныя несогласія, — тотъ можетъ считати себя счастливымъ, тотъ можетъ назвати жизнь свою блаженною, на сколько она здѣсь, на этой землѣ блаженною назватися можетъ. А кто перемѣняеть семейную жизнь въ рай? Кто тотъ членъ въ семействѣ, кто цѣлое семейство дѣлаетъ блаженнымъ, счастливымъ? Это матери семейства. Матери семейства дѣлаютъ счастливыми супруговъ, онѣ ублажаютъ дѣтей своихъ, онѣ украшаютъ, увеселяютъ цѣлый домъ. „И же обрѣте жену добру, обрѣте благодать, пріялъ же есть

отъ Господишину,“ (18, 22.) читаемъ во притчахъ Соломоновыхъ; и опять: „Жены добрыя блаженъ есть мужъ, и числомъ дней его сугубо“ (26, 1.), пишетъ Іисусъ сынъ Сираховъ во книгѣ премудрости.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Новости, смѣсь.

— 6-го (18.) Августа въ день Преображенія Господа и Бога нашего Іисуса Христа праздновали мы, но не только мы, но всѣ вѣрные народы Австро-Угорской монархіи день рожdestва августѣйшаго нашего монарха и царя Франциска Іосифа. — Безсомнѣнія Провидѣніе не безъ причины опредѣлило, чтобы сей великий Царскій день совпадалъ съ Господьскимъ Праздникомъ Преображенія Господня; поелику мы сякъ тѣмъ явнѣйше можемъ засвидѣтельствовать свою лояльность, свою вѣрность, свою неограниченную любовь ко своему обожаемому Монарху и августѣйшему семейству Его; вѣдь торжественно, всенародно, въ вѣрнымъ народомъ наполненныхъ церквахъ возносимъ горячія молитвы къ небесному Царю, чтобы хранилъ намъ нашего милостивѣйшаго Отца-Царя Франциска Іосифа для процвѣтанія милаго намъ Угорского отечества, и благобыта ввѣренныхъ скіптуру Еgo народовъ.

— Преосвященный Владыка Мучачевскій Ioаннъ, по повѣренію Епископа Явринскаго, 6 (18.) августа, то есть въ день рожdestва Его Величества Царя нашего, и въ праздникъ Преображенія Господа нашего Іисуса Христа, благословилъ золотый нагрудный крестъ и перстень протоіерейскій торжественно, и украсилъ ими впр. О. Виктора Гебея, новоименованаго тит. протоіе-

рея Роженицкаго, каноника и Епископскаго Викарія Епархіи нашей. — Поводомъ симъ желаемъ отъ Бога многозаслуженному и достойно отличенному упомянутому титулу протоіерею миръ, здравіе на многая лѣта!

— Его Святѣшество Левъ папа XIII. именовалъ Преосвященнаго Епса сукмарськаго Лаврентія Шлауха римскимъ графомъ и ассистентомъ папскаго престола.

— Приходъ Яношиевскій будетъ раздѣленъ такъ, что філіалъ Гомокъ составить новый приходъ.

— О. Іосифъ Каминскій, отказавшійся своего прихода, остается и на далѣе парохомъ Лекартскимъ.

— О. Викторъ Каминскій профессоръ и препарандіи Унгварской именованъ почетнымъ благочиннымъ.

— О. Алексій Новакъ новосвященныи іерей расположень мѣсто-парохомъ прихода Ублянскаго.

— О. Іосифъ Югасъ сотрудникъ Грушевскій получилъ презенту на приходъ Гардица.

— О. Георгій Опричъ новосвященныи іерей опредѣленъ сотрудникомъ во Грушово.

— О. Августинъ Маттушъ новосвященныи іерей получилъ приходъ Негрѣво.

— Впр. Епархіальное Правительство выписало конкурсъ до 18. (30.) сентября тек. года на слѣдующіе приходы: Ганичи, Давидовъ (въ Земпл. Ком.), Лѣнцы, Нири-Пилишъ и Яношиево; сей послѣдній приходъ куррентуется уже безъ філіаловъ: Гомокъ и Дравцы.

— Пожаръ былъ 7. (19.) сего мѣсяца во Вел. Березномъ, жертвою котораго стались 32 дома вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ хозяйственными зданіями; кае. костелъ мало что не егорѣлъ.

— Коломанъ Даніеловичъ, бывшій профессоръ при унгварской гімназіи, име-

нованъ ординарнымъ профессоромъ къ гімназіи Зомборской.

— Русская литература дѣлаетъ между пѣмцами замѣчательныя успѣхи. Издающаяся въ Липсѣ (Lipcse) и Штутгардѣ Universal-Bibliothek, въ послѣднихъ своихъ выпускахъ, число которыхъ дошло до 2200, помѣщаются переводы стихотвореній Кольцова, „Ревизора“, „Тараса Бульбу“ и „Вечеровъ на хуторѣ“ Гоголя, — „Дыма“, „Отцовъ и дѣтей“ и многихъ другихъ рассказовъ Тургенева.

— Нововведенія въ нашей церковной языке. — Нѣкій самочука печатаетъ теперь въ Унгварѣ, для церковнаго употребленія, „Сборникъ“, въ которомъ онъ прежде оставилъ совсѣмъ букву ѿ; но поелику это запрещено ему отъ впр. Епархіального Правительства, то онъ теперь замѣняетъ букву ѿ поводу „пайорками“, на пр. Духъ, благъ и проч. — Вмѣсто буквы ѹ употребляетъ ѿ, что никогда еще не видано, на пр. благї, истинныї. Даже и самый старо-славянскій текстъ превращается на русскій; на пр. „Сыї благословенныї и препрославленыї Христосъ“ (sic!) „Богъ нашъ“ и проч. — Что уже тутъ догадатися? Quousque tandem?

— Намѣренное концемъ сего мѣсяца держаніе Общаго Собрания Общества С. Василія, наступившимъ околичностямъ сходно, на послѣ оголошаемый срок отлагается. Собрание же Генеральное Общества: составленнаго для помошествованія епарх. пѣвцевоучительскаго Воспиталища въ день 30-го Аугуста т. г. и. ч. держатися будетъ, пополудни о 4-омъ часѣ въ теремѣ Пѣвцеучительскаго заведенія. Дано въ Унгварѣ 10. Авг. 1886. Игнатій Рошковичъ, Директор Общества с. Василія, и Предсѣдатель Общ. Пѣвцеучит. Воспиталища.